

А.А. Герасимова

Параметрический подход к внутриязыковому варьированию: проблемы и методы¹

Статья посвящена проблеме внутриязыкового варьирования, которая рассматривается на материале русских событийных номинализаций. С помощью серии экспериментов изучаются особенности оформления внешнего аргумента событийных имен действия. Результаты экспериментального исследования, с одной стороны, свидетельствуют о существовании двух стратегий кодирования внешнего аргумента номинализаций, с другой – позволяют установить, что оба варианта приписывания падежа доступны всем носителям русского языка. В статье предлагается анализ, увязывающий дифференцированное падежное маркирование внешнего аргумента номинализации с количеством функциональной структуры, помещенной в номинализирующую оболочку.

Ключевые слова: номинализация, структура именной группы, аргументная структура, падеж, дифференцированное маркирование актантов, внутриязыковое варьирование, русский язык.

1. Аргументная структура событийных номинализаций в русском языке

Универсальным свойством событийных номинализаций можно назвать наличие аргументной структуры. Это значит, что структура имени действия включает в себя как минимум глагольную группу VP [Grimshaw, 1990]. Событийная интерпретация достигается за счет вложения в номинализирующую оболочку функциональных проекций более высокого категориального статуса, чем VP. В частности, после работы А. Алексиаду [Alexiadou, 2001] считается, что в процессные номинализации обязательно входит проекция легкого глагола *v*. Набор функциональных проекций, которые доминируют над группой легкого глагола в составе событийных номинализаций, оказывается параметром межъязыкового варьирования. Для русского языка максимальной функциональной проекцией считается аспектуальная проекция AspP. Ее присутствие проявляется при модификации номинализаций

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

наречиями определенных классов, присоединении целевого оборота, а также в ряде других диагностик [Пазельская, Татевосов, 2008].

Падежное оформление аргументов имен действия является одним из параметров межъязыкового варьирования в WALS [Dryer, Haspelmath, 2011]. В терминах классификации М. Копчевской-Тамм русские номинализации являются эргативно-посессивными [Коптjевская-Тамм, 1993]. Единственный аргумент одноместной основы и внутренний аргумент переходной основы получают родительный падеж, падеж посессора. Им противопоставляется внешний аргумент переходной основы, которому приписывается творительный падеж.

- (1) а. *падение курса рубля*
(внутренний аргумент одноместной основы)
- б. *ворчание соседей*
(внешний аргумент одноместной основы)
- с. *исполнение арии Шаляпиным*
(внутренний и внешний аргументы переходной основы)

1.1. Вариативное падежное маркирование внешнего аргумента номинализации

Однако корпусные данные, а также более множественные данные из сети Интернет показывают, что внешний аргумент номинализации может получать творительный падеж не только в составе номинализации, образованной от переходной основы [Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, forthcoming]. Во-первых, маркирование инструменталисом возможно при номинализациях от основ, лексически управляющих внутренним аргументом. При номинализации падежное маркирование внутреннего аргумента сохраняется, а внешний аргумент может кодироваться как родительным, так и творительным падежом.

- (2) *Классицизм – это стиль подражания человека природе, проходящий через его видение, узнается сразу, отличается целостностью.*
(URL: http://samlib.ru/p/prohorowa_n_g/proza-3.shtml)
- (3) *Если у Аристотеля τέχνη еще есть в каком-то смысле подражание человеком творческой мощи φύσις, то у Фомы Аквинского сама природа (Natura) подражает техническому мастерству Божества.*
(URL: <http://platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala>)

Во-вторых, использование творительного падежа оказывается возможным и при одноместных основах, в частности, при именах действия, образованных от неэргативов, глаголов, не имеющих внутреннего аргумента.

(4) *Когда хождение **ребенком** на цыпочках носит постоянный характер, причиной может стать гипертонус мышц.*

(URL: <http://mamainfo.com.ua/ot-goda-do-trex/rebenok-xodit-na-nosochkah-chto-delat>)

(5) *Чтоб дети не болели «простудными» заболеваниями, взрослые должны приветствовать хождение **детьми** босиком и раздетыми.*

(URL: <http://absite.ru/forum/index.php?showtopic=2287>)

Таким образом, внешний аргумент имен действий в указанных случаях демонстрирует вариативное падежное маркирование. Другими словами, стратегия кодирования актантов номинализации становится одним из параметров внутриязыкового варьирования для русского языка. Однако количества корпусных данных оказывается недостаточно для полноценного суждения о падежном варьировании. Кроме того, корпус не позволяет установить, является ли использование инструменталиса последовательным у одного носителя в разных контекстах. Поэтому возникла необходимость провести экспериментальное исследование, которое позволило бы доказать существование вариативного оформления аргументов номинализации в речи носителей современного русского языка.

2. Границы падежного варьирования

Чтобы выявить границы падежного варьирования, эксперимент был организован в таком формате, при котором испытуемый должен был сам порождать аргументы номинализаций. В рамках исследования были изучены стратегии кодирования актантов при номинализациях, образованных от неэргативов (*чихание ребенка*), а также от двухместных глаголов, управляющих лексическим падежом. К последним в русском языке относятся имена действий, образованные от глаголов, управляющих дательным (*мишение пешехода водителю*), творительным падежами (*торговля соседки картинами*), предложной группой (*ухаживание инженера за артисткой*). Мы не включали в рассмотрение номинализации от двухместных глаголов, управляющих генитивом. При них испытуемые стремятся избежать ситуации, когда внешний и внутренний аргументы кодируются одним родительным падежом. То есть

условия выбора творительного падежа при номинализациях, управляющих генитивом, и при номинализациях, управляющих другим лексическим падежом, различны.

Для верификации результатов эксперимента мы также включили в рассмотрение номинализации от неаккузативов, которые обладают только внутренним аргументом (*прибытие президента*), и от переходных основ (*присоединение музыкантом микрофона*).

Был проведен лингвистический эксперимент, в котором участвовало 119 респондентов. Вниманию испытуемых были представлены сложные предложения с пропусками во второй части, которые респондентам предлагалось заполнить, используя аргументы из первой части предложения. Так, например, испытуемым предъявлялось предложение (6). Один из примеров заполнения пропусков показан в (7).

(6) В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение _____ сильно подняло боевой дух всех солдат.

(7) В тот месяц **армия** освободила **столицу**, и освобождение *армией столицы* сильно подняло боевой дух всех солдат.

Результаты эксперимента подтвердили предположение о наличии двух стратегий падежного маркирования актантов при номинализациях от основ, управляющих лексическим падежом. Из 120 участников эксперимента 56% испытуемых хотя бы один раз использовали творительный падеж внешнего аргумента.

Таблица 1

Доля ответов с творительным падежом внешнего аргумента для номинализаций разного типа

Тип основы	Доля INSTR
Переходная	99%
Управляющая DAT	19,8%
Управляющая INSTR	18,9%
Управляющая PP	10,43%
Неэргативная	0,9%
Неаккузативная	0

В случае одноместных предикатов, а именно, образованных от неэргативных и неаккузативных основ, внешний аргумент в основном маркируется родительным падежом. Тем не менее, для неэргативов

обнаруживается малая доля ответов, в которых испытуемые все же использовали творительный падеж внешнего аргумента (*плавание дедушкой*). Для переходных основ полностью подтвердилась эргативно-посессивная модель (таблица 1).

2.1. Предсказания современных падежных теорий

Для того чтобы понять, какова природа дифференцированного падежного маркирования, посмотрим, какие предсказания делают современные падежные теории на счет оформления внешнего аргумента номинализаций, внутренний аргумент которых маркирован лексическим падежом. Предсказания теорий для номинализаций русского языка подробно разобраны в статье А.А. Герасимовой, Е.А. Лютиковой и А.М. Перельцвайг [Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, forthcoming].

Конфигурационная теория приписывания морфологического падежа А. Марантца для рассматриваемых номинализаций предсказывает родительный падеж внешнего аргумента. Генитив представляет собой немаркированный падеж в именной группе, возникающий в отсутствии падежной конкуренции внешнего аргумента с внутренним. Внутренний аргумент получает лексически управляемый падеж. Поскольку внутренний аргумент маркирован, приписывание зависимого падежа внешнему аргументу невозможно. В результате внешний аргумент получает немаркированный падеж.

Модель приписывания абстрактного падежа при согласовании рассматривает творительный падеж в качестве ингерентного падежа. Ингерентный падеж маркирует внешние аргументы, и его приписывание всегда связано с тематической позицией; в случае событийных номинализаций ингерентный творительный падеж ассоциируется с ролью агентивного участника ситуации.

Заметим, что подобные рассуждения и соответствующие предсказания остаются верными и для неэргативных основ. Действительно, в рамках конфигурационной теории внешний аргумент получает немаркированный генитив в отсутствие падежной конкуренции внешнего аргумента с внутренним, который попросту отсутствует. Согласно модели приписывания падежа при согласовании, ингерентный творительный падеж возникает независимо от падежного оформления внутреннего аргумента. И хотя респонденты практически не использовали творительный падеж внешнего аргумента при неэргативных основах, предсказания двух теорий позволяют допустить наличие дифференцированного падежного маркирования и в данном случае, что и было продемонстрировано ранее на примерах из сети Интернет.

Итак, мы увидели, что каждая теория способна дать объяснение лишь одному из рассматриваемых случаев. Можно ли при подобном раскладе говорить о том, что ни одна из теорий не соответствует языковой действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к тому, какой может быть внутриязыковая вариативность.

2.2. Виды внутриязыковой вариативности

При анализе внутриязыковой вариативности можно предположить существование двух типов варьирования. С одной стороны, вариативность возможна в пределах языковой общности. Такое варьирование может определяться набором внешних факторов: территориальных, социальных, функционально-стилистических и др. С другой стороны, вариативность может существовать в пределах грамматики одного индивида, а выбор может определяться более частными лицензорами, такими как конкретное лексическое наполнение конструкции. В предельном случае мы имеем дело со следующим противопоставлением: либо грамматические варианты одного языка распределены по его носителям, либо они сосуществуют в пределах грамматики одного индивида, а выбор определяется какими-то дополнительными факторами.

Чтобы объяснить феномен вариативного маркирования внешнего аргумента в русских номинализациях, необходимо, в первую очередь, понять, какой модели следует варьирование падежного оформления. Если способность к кодированию внешнего аргумента творительным падежом является индивидуальной, то нас может устроить наличие двух теорий, которые описывают независимые системы, характерные для разных носителей языка. Если две падежные стратегии не распределены по носителям, нужно установить, как две конфигурации могут сосуществовать в пределах одной грамматики, т.е. как должен быть устроен механизм приписывания падежа, допускающий выбор между родительным и творительным падежом внешнего аргумента.

По результатам первого эксперимента респонденты разделились на две группы: больше половины респондентов использовали внешний аргумент номинализаций с лексически управляемым внутренним аргументом в творительном падеже, остальные испытуемые использовали только родительный падеж. В связи с этим предположим, что стратегии оформления актантов номинализаций распределены по носителям русского языка.

3. Распределение стратегий падежного оформления по носителям русского языка

Для проверки предположения был проведен новый лингвистический эксперимент с участием респондентов первого эксперимента. На участие согласились 78 человек. Испытуемым были представлены

предложения с событийными номинализациями, внешний аргумент которых стоял в родительном или в творительном падеже. Респондентам предлагалось оценить грамматичность предложений по шкале от одного до пяти. Номинализации были образованы от переходных, двухместных непереходных и неэргативных основ. В этот раз мы убрали из рассмотрения имена действия, образованные от неаккузативов, поскольку инструменталис не может быть приписан единственному внутреннему аргументу, что было подтверждено в первом эксперименте.

В первом эксперименте респонденты практически не использовали творительный падеж внешнего аргумента имен действия, которые были образованы от неэргативных основ. Тем не менее, подобные основы с внешним аргументом в инструменталисе были найдены в корпусе. Одна из особенностей таких примеров заключается в том, что номинализации были модифицированы наречиями или обстоятельствами. Поэтому в дополнение к примерам с неэргативными номинализациями мы добавили предложения, в которых были использованы те же основы, но модифицированные обстоятельственной группой.

- (8) а. *Грациозное хождение моделей* было высоко оценено дизайнером.
б. *Грациозное хождение моделей (по подиуму)* было высоко оценено дизайнером.
- (9) а. *Увлеченное ныряние горожан* было показано по телевидению.
б. *Увлеченное ныряние горожан (в прорубь)* было показано по телевидению.

Мы проанализировали оценки грамматичности отдельных стимульных предложений респондентами и посчитали среднюю оценку для каждого из рассматриваемых типов номинализаций (таблица 2).

По результатам опроса можем заключить следующее. Во-первых, наблюдается статистически значимое различие оценок инструменталиса для разных типов основ. Наиболее приемлемым творительный падеж внешнего аргумента воспринимается при переходных основах. Менее допустимыми носители оценивают творительный при номинализациях с лексически управляемым внутренним аргументом. Наконец, наименее приемлемым был оценен инструменталис подлежащего в предложениях с именами действия, образованными от неэргативных глаголов. Подобное распределение в целом соответствует результатам первого эксперимента, за исключением неэргативных основ: количество ответов с творительным падежом было совсем мало, однако оценка грамматичности оказалась значимо выше самой низкой оценки из возможных.

Более того, обнаружено статистически значимое различие в оценках предложений с неэргативными основами, модифицированными и немодифицированными обстоятельствами. При этом различие в оценках творительного падежа внешнего аргумента при неэргативных номинализациях с обстоятельственной группой и при переходных основах, управляющих лексическим падежом, значимым не оказалось. Это говорит о том, что модификация обстоятельством существенно повышает приемлемость инструменталиса внешнего аргумента номинализации.

Таблица 2

**Средние оценки грамматичности
для разных типов номинализаций**

Статистически значимые различия	Тип основы	Средняя оценка
Класс 1	Переходная	3,61
Класс 2	Управляющая DAT	2,09
	Управляющая INSTR	1,97
	Управляющая PP	1,92
	Неэргативная, модифицированная PP	2,2
Класс 3	Неэргативная	1,41

Во-вторых, удалось установить, что носители по-разному оценивают приемлемость творительного падежа внешнего аргумента имен действия. Респондентов можно объединить в две группы в соответствии с тем, как испытуемые оценивают грамматичность предложений с инструменталисом. Иными словами, с точки зрения оценки приемлемости инструменталиса носители русского языка оказываются неоднородны.

Однако при сопоставлении оценок грамматичности с данными о том, использует ли респондент творительный падеж в эксперименте на порождение предложений, выяснилось, что оценка приемлемости не всегда верно характеризует фактическое употребление инструменталиса в речи (таблица 3). Так, испытуемый, активно использующий инструменталис, может оценивать примеры с творительным падежом внешнего аргумента как неграмматичные, и наоборот. Этот факт может служить доказательством того, что две стратегии оформления аргументов номинализации сосуществуют в падежной грамматике одного индивида. Таким образом, предположение о том, что стратегии оформления внешнего аргумента имен действий распределены по носителям русского языка,

является неверным. Тогда можно заключить, что наличие двух стратегий кодирования аргументов номинализации ставит под вопрос объяснительную силу существующих падежных теорий, которые делают различные предсказания касательно падежного оформления внешнего аргумента имени действия. Иными словами, возникает необходимость в объяснении, которое учитывало бы сосуществование в пределах одной грамматики двух способов оформления внешнего аргумента при номинализации.

Таблица 3

Соотношение оценки приемлемости употребления INSTR и его фактического употребления

	Эксперимент I (порождение)	Эксперимент II (оценка грамматичности)
INSTR скорее приемлем	72,27%	35,62%
INSTR скорее неприемлем	27,73%	64,38%

4. Анализ

Попробуем объяснить полученные различия в оценках приемлемости творительного падежа внешнего аргумента при различных типах основ. В первую очередь обратимся к структуре номинализации. Как было замечено ранее, после работы А. Алексиаду принято считать, что номинализации содержат в своем составе функциональную вершину легкого глагола v [Alexiadou, 2001]. Внешний аргумент при этом занимает позицию спецификатора легкого глагола $\text{Spec, } vP$. Над группой легкого глагола в пределах номинализующей оболочки может доминировать еще некоторое количество функциональных проекций, что определяется особенностями конкретного языка.

Предположим, что структура номинализации в действительности является более гибкой. В частности, обратимся к работе А. Кратцер [Kratzer, 1996], в которой она доказывает удобство нового теоретического концепта, приводя в пример объяснение различий между двумя формами герундия (acc_{ing} и poss_{ing}), в которых сохраняется падежное оформление внутреннего аргумента аккузативом, и отглагольным существительным на $-\text{ing}$ (of_{ing}), при котором внутренний аргумент оформляется предлогом of . Предлагается считать, что в последнем случае номинализуется глагольная группа, в то время как в первых двух вариантах – номинализуется структура, возглавляемая группой легкого глагола. Другими словами, автор исходит из того, что номинализации могут подвергаться структуры различного категориального статуса.

Подобная идея для русского языка высказывается в контексте явления каузативно-инхоативной альтернации. С.Г. Татевосов предполагает, что агентивная интерпретация возникает в результате номинализации группы легкого глагола *vP*, а декаузативная – в результате помещения под номинализирующую оболочку только группы *VP*. При этом максимальной вершиной, для которой допустима номинализация, является аспектуальная вершина *Asp* [Татевосов, 2008].

Попробуем применить такой подход для объяснения вариативного падежного маркирования. Очевидно, что группа легкого глагола входит в структуру номинализации при переходных глаголах. В противном случае оказалось бы невозможно выразить внешний и внутренний аргументы. Неаккузативы определяются как основы, у которых внешний аргумент отсутствует. Поэтому наличие в их структуре вершины *v* ничем не оправдано. Заметим также, что переходные и неаккузативные основы представляют собой своеобразные полюса на шкале допустимости творительного падежа внешнего аргумента имен действий. При переходных основах творительный падеж внешнего аргумента обязателен, при неаккузативных – аргумент, который мог бы получить инструменталис, отсутствует.

Двухместные основы, управляющие лексическим падежом, и неэргативы сходны по своей структуре относительно механизмов приписывания падежа. Предположим, что дифференцированное маркирование внешнего аргумента для соответствующих типов имен действия можно объяснить разным размером структуры, которая подвергается номинализации. А именно, будем считать, что приписывание творительного падежа внешнему аргументу происходит в случае номинализации как минимум группы легкого глагола *vP*, а использование генитива – при номинализации глагольной группы *VP*.

Возникает вопрос, какую позицию занимает агентивный аргумент, маркированный генитивом. Наиболее подходящим кандидатом кажется позиция спецификатора вершины *D*. Обратим внимание, что А. Кратцер в своем анализе пишет о том, что в результате номинализации глагольной группы *VP* и соответствующего передвижения именной группы, обозначающей деятеля, в позицию *Spec, DP* может возникнуть неоднозначная интерпретация, при которой неясно, является ли актант, стоящий в генитиве, агенсом, или генитив интерпретируется как показатель посессивного отношения [Kratzer, 1996]. В русском языке аналогичное двойное прочтение возможно также только при генитиве; напротив, при инструменталисе тот факт, что внешний аргумент представляет агентивного участника ситуации, не вызывает сомнений.

В пользу предложенного анализа говорит также частое использование творительного падежа внешнего аргумента одновременно с модификацией имени действия обстоятельством. Способность к модификации обстоятельственными оборотами свидетельствует о большем количестве функциональной структуры.

При этом модификация обстоятельством существенно повышает приемлемость творительного падежа при неэргативных основах. Другими словами, инструменталис используется при номинализации структур более высокого категориального статуса, чем глагольная группа.

Таким образом, мы предполагаем, что причина дифференцированного падежного маркирования заключена не в механизмах приписывания падежа, а в доступности для некоторых носителей номинализаций различного размера. Иначе говоря, параметром внутриязыкового варьирования становится не стратегия кодирования, а количество структуры, подвергающейся номинализации. Тем не менее, открытым остается вопрос, почему творительный падеж при неэргативах без обстоятельства значимо менее употребителен, чем при неэргативных именах действия, модифицированных обстоятельством, и двухместных переходных основах, несмотря на то, что он не кажется респондентам неприемлемым и, согласно предложенному анализу, тоже может включать в свой состав вершину легкого глагола *v*.

Итак, мы рассмотрели проблему внутриязыкового варьирования в контексте русских событийных номинализаций. С помощью серии экспериментов удалось доказать, во-первых, что в русском языке существуют две стратегии кодирования аргументов номинализации; во-вторых, что две стратегии не распределены по носителям, а сосуществуют в падежной грамматике одного индивида. Наконец, был предложен анализ, согласно которому дифференцированное падежное маркирование внешнего аргумента определяется количеством функциональной структуры, помещенной в номинализирующую оболочку.

Библиографический список

Татевосов, 2008 – Татевосов С.Г. Номинализация и проблема непрямого доступа // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М., 2008. С. 750–773. [Tatevosov S.G. Nominalization and the problem of indirect access. *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E.V. Paduchevoi*. Moscow, 2008. Pp. 750–773.]

Пазельская, Татевосов, 2008 – Пазельская А.Г., Татевосов С.Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / Под ред. Плунгяна В.А., Татевосова С.Г. М., 2008. С. 348–380. [Pazel'skaya A.G., Tatevosov S.G. Deverbal nouns and the structure of Russian verb. *Issledovaniya*

po glagol'noi derivatsii. Ed. V.A. Plungyan, S.G. Tatevosov. Moscow, 2008. Pp. 348–380.]

Alexiadou, 2001 – Alexiadou A. *Functional Structure in Nominals*. Amsterdam and Philadelphia, 2001.

Dryer, Haspelmath, 2011 – Dryer M.S., Haspelmath M. *The world atlas of language structures online*. 2011. URL: <http://wals.info>. 2011.

Grimshaw, 1990 – Grimshaw J. *Argument Structure*. Cambridge, Mass., 1990.

Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, 2016 – Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A. *Case Marking in Russian Eventive Nominalizations: Inherent vs. Dependent Case Theory*. Talk presented at the conference «Formal Approaches to Slavic Linguistics 25». 14 May 2016, Cornell University, Ithaca, NY, USA.

Gerasimova, Lyutikova, Pereltsvaig, forthcoming – Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A. *Case Marking in Russian Eventive Nominalizations: Inherent vs. Dependent Case Theory*. *Russian Linguistics*. Forthcoming.

Koptjevskaja-Tamm, 1993 – Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. Routledge, 2002.

Kratzer, 1996 – Kratzer A. *Severing the external argument from its verb*. *Phrase structure and the lexicon*. Springer Netherlands, 1996. Pp. 109–137.

Marantz, 1991 – Marantz A. *Case and licensing*. *Proceedings of the 8th Eastern States Conference on Linguistics (ESCOL 8)*, Ithaca, NY. Westphal G., Ao B., Chae H. (eds.). CLS Publications, 1991. Pp. 234–253.

Woolford, 2006 – Woolford E. *Lexical case, inherent case, and argument structure*. *Linguistic inquiry*. 2006. Vol. 37. № 1. Pp. 111–130.